

**СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ
В УЗБЕКИСТАНЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИДЕЙ
ИЛИ БОЛЕЗНИ РОСТА?**

Два последних десятилетия оказались очень сложными для исторической науки, и не только в Центральной Азии, но и на всем постсоветском пространстве.

Распад Советского Союза, образование независимых государств привели к необходимости изменения подходов, формирования новых приоритетов в области исторической науки. В процессе трансформации социогуманитарных наук в период перехода к рыночным условиям произошли отказ от старой методологии, страдавшей односторонностью и отсутствием теоретических разработок и произошла переоценка исторических ценностей и всего хода исторического процесса. Для историков открылись новые возможности для работы в архивах, особенно ранее запретных, начались плодотворные диалоги с зарубежными коллегами.

Но все же в начале 90-х историческая наука не стала базой и оплотом в строительстве суверенного государства. Причиной этого было отсутствие концептуального и фактического единства в среде историков. Разнообразие подходов, несобранность, неумение исторически обосновать обретенную независимость, старый стиль работы, противостояние старых и молодых кадров – все это не только не отвечало требованиям времени, но и тормозило в целом развитие исторической науки.

Это было началом трудного пути, определенного поисками, ошибками и достижениями. Как известно, экономическая либерализация поставила перед учеными немало новых проблем. И от них зависело кадровое состояние исторической науки. Вышедшие из «советской шинели» историки, оказались не готовы вести маркетинг гуманитарного рынка, изучать динамику спроса и предложения на свою интеллектуальную продукцию. Зато

удивительные маркетинговые способности продемонстрировали далекие от историографии люди, вовремя понявшие, что интерес общества к прошлому можно эксплуатировать с выгодой для себя с помощью исторических сенсаций. Узбекистанскую печать (преимущественно периодическую) наводнили скороспелые подделки журналистов, не понимающих специфику исторической науки, чем компрометировали ее. Это сопровождалось недостаточностью доступа к информационно-аналитическим ресурсам и взаимодействия на институциональном и личном уровнях, недостаточностью финансирования, а также болезнями роста, связанными односторонним и не вполне объективным рассмотрением событий и явлений. Не избежала история в этот период и «мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, приписываемого одному народу, преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности».

Для молодых независимых государств свойственно закономерное стремление найти исторические корни, опереться на героические примеры истории для выработки национальной идеи и самоутверждения в рамках мирового сообщества. Однако зачастую можно видеть, что этот процесс сопровождается определенными перегибами, своеобразной идеализацией своей территориальной истории. Не избежали этого и республики Средней Азии, что отразилось в многочисленных работах, наполненных подчеркнута «патриотическими» пассажами, подчас в ущерб исторической истине. Хотя, как замечено «движение общества, отстаивающего свои, в том числе национальные интересы, не должно предписывать науке исключительно политизированно-этническое восприятие событий прошлого»¹. На самом деле мы зачастую сталкиваемся с попытками толковать свою историю, искусственно принижая ее определенные явления и намеренно преувеличивая и приукрашивая другие процессы. Стремление удревить

---

¹ Куртов А.А. Образ России в национальных историях постсоветского пространства: синтез науки, идеологии и мифотворчества // История: проблемы объективности и нравственности. Материалы научной конференции. – Т., 2003. С. 14.

историю государственности за счет присвоения лишь одной нацией исторических достижений всех народов Центральной Азии порой доходило до абсурда.

По существу создавалась новая концепция, названная академиком Э.В. Ртвеладзе, концепцией этнической исключительности². Благодаря статусу глав государств (а некоторые из них написаны ими), эти книги становились своего рода «Библиями» для народа, навязывая ему далекие от подлинной истории положения. К сожалению их издание продолжалось до начала 2000г.

Наряду с этим академическая наука шла постепенно в гору. Появилось множество публикаций, основанных на новом прочтении источников, с взвешенным подходом к отдельным периодам истории Центральной Азии. Можно сказать, что в последнее десятилетие историческая наука в Узбекистане стала одной из самых динамично развивающихся общественных наук.

В конце 1990-х годов появилась разработанная совместными усилиями коллектива Института истории АН РУз и ведущих историков ВУЗов республики концепция истории узбекского народа и его государственности, которая зафиксировала отход историков республики от формационного подхода³. Это обеспечило альтернативность мнений историков и создало почву для приближения к позиции мировых центров по изучению Центральной Азии, использующих цивилизационный подход в ее изучении. Определяя особенности исторических процессов в Узбекистане с древнейших времен, эта концепция вместе с тем, учитывала равноценное право народов Средней Азии на историческое и культурное наследие. Результатом работы в этом направлении стала первая публикация, посвященная истории государственности Узбекистана на узбекском и русском языках, ставшая результатом совместной работы историков и

---

² Ртвеладзе Э.В. Историческая наука и псевдоистория Средней Азии // Учитель Узбекистана. 2003. 25 июля.

³ См.: O'zbekiston tarixi. 1999. № 1. С. 31-34.

археологов⁴. Первые шаги, предпринятые в этом направлении, были сопряжены с определенными трудностями, обусловленными запретностью этой темы в советский период и ее неизученностью. Впрочем многие вопросы истории Узбекистана изучались заново, уже с других объективных позиций.

Сейчас современный историк – не тот, что десять лет назад. Он располагает огромной базой исторических данных, большим объемом литературы, в которой узловые вопросы истории Узбекистана трактуются на основе цивилизационного подхода. И центром объединяющим всех историков является Институт истории АН РУз, координирующий историческую науку и объединяющим усилия историков по их развитию.

Таким образом, формированию новых парадигм в исторической науке способствовали: во-первых, политические обстоятельства, естественно приведшие и к социальным переменам, включая и изменение социального статуса историка, и его морально-психологической самооценки, и к изменению инфраструктуры науки в целом, во-вторых, развитие новых наукообразующих процессов, что способствовало открытию отечественной науки широкому миру, наплыв информации, в том числе методологического порядка из-за рубежа, кадровое обновление, борьба новых и старых взглядов, открытие и обогащение архивных источников и появление возможности улучшения материальной базы науки за счет неакадемических средств, в том числе зарубежных.

Значительно обновилась в этот период и методологическая база исследований, произошел благотворный взаимообмен методологическим опытом между исторической наукой и такими родственными дисциплинами как археология, этнология, искусствоведение, социология.

Определенные новации имеются и в области этнологии. Постепенно расширяется круг ее задач, особенно, в области теории и методологии.

Однако наша цель не перечислять достижения, а попытаться сделать

---

⁴ Очерки истории государственности Узбекистана. – Т.: Шарк, 2000.

конструктивный и практический анализ современных «болезней» роста в исторической науке, которые определены некоторой предвзятостью и прямолинейной односторонностью в оценках событий истории и перекосами, сложившимися при объяснении сложных и неоднозначных исторических процессов, продолжающимися попытками выдать желаемое за действительность.

Без этого анализа нельзя понять ситуацию, связанную с трактовкой истории в учебниках. Особую остроту в Центральной Азии имеют, на наш взгляд, история XX в., вопросы о колонизации края Российской империей в середине XIX века и проблемы, касающиеся истории советского периода. Как известно, на протяжении ста пятидесяти лет этот вопрос трактовался по-разному. Российские исследователи-гуманитарии, пришедшие сюда вместе с военными, сделали очень многое в изучении края, но находились на позиции, объясняющей вторжение цивилизаторской миссией России. Советские историки толковали этот вопрос в зависимости от политических требований: в 20–30-х годах XX века гневно клеймили колонизаторство, в годы «Великой Отечественной войны» – актуальной стала история национально-освободительных движений в Средней Азии и после XX съезда КПСС на арену вышел из тени давно зревший тезис о «добровольном присоединении народов Средней Азии к России». В годы независимости многие проблемы приобрели другую оценку: октябрьская революция 1917 года, названная вслед за российскими историками переворотом, национально-прогрессивное (джадидское) и национально-освободительные движения, и конечно, вопрос о завоевании Российской империей среднеазиатских ханств.

Одна из важных проблем истории Узбекистана, находящихся в центре внимания историков, фальсифицированная советской историографией история самого периода.

Как правильно писал М. Рейман, тесная связь между политикой и исследованиями по новейшей истории, заинтересованность политики в результатах этих исследований не подлежит сомнению, она существует в той

или иной сфере в любой стране и в любом обществе⁵. Именно в советский период история в наибольшей степени стала инструментом политики. Особенно это развилось в период Сталина, использовавшего историю для обоснования своего политического курса и репрессий. Это продолжалось в течении нескольких десятилетий вплоть до 90-х годов и не могло не влиять на умы людей. Фактически произошло стирание граней между исторической наукой и политической пропагандой. В результате, сформировалось ложное историческое сознание общества, усвоенное под влиянием пропаганды и использования ее в учебном процессе, особенно в школе. Ведь все, что усвоено в детском и юношеском возрасте очень трудно изменить.

В первые годы независимости довлел советский традиционализм, когда в публикациях все оценивалось исключительно позитивно и лишь в заключении подводились итоги негативных явлений, что никак не согласовывалось с основным текстом. В этом проявлялось упорное нежелание некоторых историков отходить от позиций советской историографии. Интересно высказывание известного британского историка Джона Тоша о том, что обращение к существующим с незапамятных времен традициям не имеет никакого отношения к исторической науке и противоречит историческому анализу⁶. Конечно, это звучит категорично, но если иметь в виду неизменный и застоявшийся опыт, то это верно. Однако не следует отвергать отработанные и испытанные методологические традиции.

Более тонкий характер искажения, как считает Дж. Тош, носит ностальгия. Она не отрицает факта исторических перемен, но толкует их лишь в одном направлении – перемен к худшему. Особенно этим страдают люди, утратившие высокое материальное и руководящее положение в обществе, в том числе историки, которые, как правило, изображают прошлое

---

⁵ Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 146.

⁶ См.: Tosh J. The Pursuit of History: aims, methods and new Directions in the study of modern History. 3th ed. London-New York. 2000. Русский перевод Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М., 2000. С. 11–32.

в более привлекательном свете. Данное явление, уже практически исчезло со страниц исторических публикаций, однако сохраняется в устной форме.

Несмотря на это, кризис исторической памяти, вызванный политическими и социальными переменами, еще имеет место в развитии исторической науки и он наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности⁷.

Для объективного освещения истории на данном отрезке времени большое значение имеет и психологический фактор, который заключается в умении историка как бы «оторваться от себя», исключая любого рода эмоции. К сожалению, не все это могут. И это один из недостатков, наблюдаемых даже в публикациях фундаментального характера.

В целом, в оценке советского периода в узбекистанской современной историографии существует и традиционализм другого рода. Заложенный наиболее авангардной частью историков критический подход к этому периоду истории перерос в традиционализм, который исключает все положительное в развитии в тот период.

Как в изучение любого другого вопроса здесь необходим объективный анализ как негативных явлений, противоречий в развитии, репрессий, засилья моноидеологии, так и достижений, главной причиной которых был сам народ. Эти вопросы должны рассматриваться в комплексе, без чрезмерно эмоционального вклада своего «я» исследователя. В данном случае следует сказать о методике Дж. Хоскинга, известного британского историка, который в своей книге, посвященной истории советского периода, уделил больше внимания при изучении истории Советского Союза мнению людей, порою простых граждан, живших здесь⁸.

---

⁷ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории. (Некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссия о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М., 2001. С. 8–26.

⁸ Хоскинг Джеффри. История Советского Союза (1917–1991). – Смоленск: Русич, 2004. 490 с.

Я думаю, что самым важным явлением, оказывающим сильное воздействие и на авторов и на читателя является обострившееся сейчас историческое сознание. Всегда в период кардинальных перемен, катаклизм, революций оно занимало одну из главных идеологических ниш. Главным признаком исторического сознания, как понимает его западная историография, является признание различий между современной эпохой и предыдущей. И это важно, прежде всего, для историка, который должен понимать, что предмет исследования нельзя вырывать из окружавшей его исторической обстановки. Оно существовало всегда, но как отмечает российский историк Л.М. Репина «Историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений; историкам не просто абстрагироваться от идеологии или групповых интересов. В итоге научные, по видимости, произведения оперируют образами прошлого, почерпнутыми из массового сознания или созданными на его потребу. Во многих отношениях история и память постоянно подпитывают друг друга: история разрывается между логикой памяти и императивами научного знания»⁹.

Искусство историка заключается в умении сделать так, чтобы память и наработанные исторические знания дополняли друг друга. Эмансипация исторической науки создала для этого хорошие условия, она открыла много шлюзов, через которые хлынули потоки, значительно обогатившие ее новым положительным опытом. Но были и такие, которые создали историкам новые вызовы в форме дилетантизма, удобренного лжепатриотизмом. История – наука фундаментальная и она переживет все катаклизмы развития, расставив все по своим местам. Однако у нее есть одна сторона, которую можно считать прикладной в самом позитивном значении этого слова. Ведь знания, полученные в ходе исторических изысканий, используются в среднем и высшем образовании. Эта область их применения не может не интересоваться любого профессионального историка, независимо от сферы его научных

---

⁹ Репина Л.М. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 51.

интересов. Достижения и выводы исследований непосредственно преломляются в школьном учебнике. А учебник – это база формирования мировоззрения молодого поколения.

Но учебники должны соответствовать концептуальным видениям истории. Они всегда вторичны и испытывают на себе все течения, которые существуют в науке. И признаки традиционализма присутствовали до последнего времени в учебниках, особенно школьных.

В начале 90-х годов в республике были налицо три идейных течения, отразившиеся в учебниках: 1) просоветское, 2) националистическое и 3) академическое. Последнему, сконцентрировавшемуся в Институте истории АН РУз, пришлось наряду с работой по формированию новой концепции развития исторической науки, вести борьбу за сбалансированный подход к истории XX в. со всеми «за» и «против».

Это конечно же нашло свое отражение в учебниках и продолжалось до конца 90-х годов пока не был принят общий научно-методологический стандарт, основанный на данной концепции. Однако до сих пор сторонники советского традиционализма не в состоянии смириться с негативными оценками процессов этого времени. Ярким примером этого является статья М. Яновской «Что рассказывают новые учебники по истории Узбекистана», помещенной в сайте ЦентрАзия. Написанная в саркастическом стиле, статья содержит язвительные выпады в адрес учебника по истории Узбекистана для 10 класса средней школы не только за критику коммунистической идеологии, но и якобы возвеличивание вклада узбекского народа в развитие республики, т.е. приписывание не коммунистическому руководству, а трудящимся успехов в развитии экономики и культуры. Причем эти выпады никак не аргументируются, общеизвестные факты о разгроме большевиками Кокандской автономии, бесчинстве красноармейцев, установлении монокультуры хлопка и др. вызывает крайнее раздражение у рецензента, который с отчаянным сарказмом пишет: «авторы приводят множество доказательств, чем так плоха была для Узбекистана советская власть,

продолжавшая колониальную политику царской России, сдав каждое лыко в строку. И если во всем плохом виновата советская власть, то все хорошее в Узбекистане возникало благодаря самоотверженному труду узбекского народа...».

Как говорилось в одном фильме: «часовню тоже я развалил?». А до советской власти (ладно, до Российской империи) Узбекистан был мощным промышленным государством?» Чтобы ответить на последний вопрос пришлось бы нам дать автору рецензии урок истории Узбекистана, объемом полного курса начальной школы. Такого рода традиционализмом страдают и некоторые учителя русскоязычных школ, в основном старшего возраста, много лет преподававшие советскую историю.

Зачастую такие же претензии предъявляются и к досоветской истории. Она оценивается только с точки зрения культурно-цивилизаторской миссии Российской империи в Средней Азии. Для обывателя это нормальное явление и другая точка зрения считается анахронизмом. Но удивительней всего, что маститый ученый в Москве на одной из международных конференций заслушав мой доклад, касающийся этого времени, спросил, что такое «колониальный период». Общепринятый исторический термин оказался для его сознания неприемлемым. Было бы, наверное, смешно, если бы английские историки воспринимали в штыки тезис об Индии, как колонии Великобритании в XIX в.

Другой не менее известный этнолог один из своих докладов посвятил анализу экспозиции Музея памяти жертв репрессий в Ташкенте. Его вывод гласит: «Обращение к репрессиям и страданиям во всех случаях выполняет роль легитимации постсовесткой государственности». Такому поверхностному отношению противостоят серьезные исследования российских историков, объективно анализирующих процессы в колониальном Туркестане¹⁰.

---

¹⁰ Бахтурина А.И. Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). – Москва, 2004.

Неадекватное и чувствительное, болезненное отношение к малейшим изменениям в восприятии истории, кажется неправомерным искажением привычной советской трактовки и для некоторой части русскоязычного населения.

В качестве грубого проявления второго направления, названного нами националистическим, следует назвать опубликованный в 1999 году учебник для 9 класса средней школы по истории Узбекистана Ж. Рахимова¹¹, ставший в свое время «притчей во языцах», наделав много шума. Позиция его автора – это традиционализм иного рода, основанный на национализме, хотя он не имеет особого проявления в обществе. Это граничит с детским негативизмом на фоне болезненного восприятия истории, исключительно сквозь призму «свой и чужой». Свои в учебнике – это местное население и его представители. Чужие – это пришельцы, колонизаторы, их окружение, в том числе и зажиточные представители местного населения, предприниматели, которые сотрудничали с новой властью.

К этому ряду автор относит даже первых исследователей Средней Азии – историков, археологов, географов и др. Для текста этого учебника характерна терминологическая некорректность, отождествляющая национальность с государственной принадлежностью. Насыщенный негативно-эмоциональными характеристиками, учебник вызвал острую критику со стороны научных кругов и общественности и вскоре был снят с производства.

Третье направление академическое – отличается сбалансированностью подходов как к истории XX в., так и к более ранним периодам истории. Поскольку его представители и авторы учебников, в том числе для вузов, сотрудники академических научно-исследовательских институтов и некоторых вузов республики, то основной упор делается на те новые

---

¹¹ Рахимов Ж. Ўзбекистон тарихи. Учебник для 9 класса. – Тошкент, 1999.

заклучения, которые вырабатываются в процессе включения в научный оборот результатов новейших исследований¹².

Уже многое сделано для утверждения третьего направления, однако это порождает ряд очередных проблем, связанных с вопросами интеграции исторической науки и образования, методологического и информационного обеспечения образовательной базы.

Отсутствие согласия в оценках истории это нормальное явление, независимо от того противостояние это или болезни роста общества, главное, что историческая наука, обогащаясь непрерывно новой информацией, не сможет не изменить восприятия истории, ее слушателями является молодое поколение XXI в., которое будет делать свои собственные выводы об ушедшей эпохе.

---

¹² Ражабов Қ., Ҳайдаров М. Туркистон тарихи (1917 – 1924 й.). – Тошкент: Университет, 2002. 168 б.; Ўзбекистон тарихи / Р.Ҳ. Муртазаева тахрири остида. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2003. 675 б.; Усманов Ф.Х, Курганбеков М.М., Угай Ч.Д. История войн и военного искусства. Книга 1. Древний мир, средние века и новое время / Под редакцией Д.А. Алимовой. – Ташкент: Talqin, 2006. 490 с.